

РЕЙН МИЛЛЕР ПОД ПСЕВДОНИМОМ
ВИВЬЕН ВИЛЬМОНТ

The background of the book cover is a detailed illustration. It depicts a woman in a light-colored, possibly white or pale green, dress with a subtle floral pattern. Her hands are clasped together in her lap. The dress has a high collar and long sleeves. The overall style is reminiscent of 19th-century painting, with soft lighting and fine details in the fabric and foliage. The title 'Дева' is written in a large, elegant, white cursive script, partially overlapping the woman's hands and the folds of her dress. The author's name 'Лорда Блэквуда' is written in a bold, white, serif font below the title. At the top, the author's real name 'Рейн Миллер' and pseudonym 'Вивьен Вильмонт' are printed in a smaller, white, serif font. At the bottom, the subtitle 'Дневники брачной ночи' is written in a bold, black, serif font.

Дева

**ЛОРДА
БЛЭКВУДА**

ДНЕВНИКИ БРАЧНОЙ НОЧИ

Переводчик — Анна Решетникова

Редактор — Александра Журавлева

Оформление — Наталия Павлова

От автора

С того момента, как я увидела вступительную сцену фильма «Шерлок Холмс» (2009 г.), я была очарована девой на алтаре, собирающейся убить себя под действием гипнотического проклятия сатанистов. Я хотела узнать больше о том, что случилось с ней после того, как она была спасена Холмсом и Ватсоном. Но ее имя никогда не упоминалось, и в фильме ее больше не видели.

Включение данной сцены в «Деву Лорда Блэквуда» частично основано на реальных событиях, которые происходили в Викторианском Лондоне во времена, когда возродился интерес к язычеству, и люди, практикующие темные искусства, проводили церемониальные обряды в секретных организациях, известных как Клубы Адского Пламени.

Я также должна прояснить и поделиться с вами тем, что я безответно полюбила вымышленного Лорда Блэквуда с тех пор, как я увидела его в фильме. И даже несмотря на то, что он был злодеем и встретил подобающий злодею конец, я отчаянно хотела, чтобы он был кем — то другим для меня. Так что я написала небольшой фанфик о нем и деве на алтаре для своего собственного развлечения. (Это не похоже на фильм, если вам интересно.)

Я надеюсь, вы будете наслаждаться чтением о моем Лорде Блэквуде и его деве так же сильно, как я наслаждалась написанием этого.

Пролог

1890 год

Лондон

Селеста не чувствовала ничего, кроме тяжести. Не из — за того, что что — то давило на ее тело, а из — за ужасного веса, настолько плотного, что это делало ее неподвижной, неспособной себе никак помочь. Она отчаянно пыталась растянуть крепления, фиксирующие ее ноги, но знала, что это бесполезно, даже если она прилагала усилия. Ее разум знал достаточно, чтобы понимать, что она была связана и непристойно распята на холодной каменной плите, но более ничего не было возможно дождаться от ее затуманенного и измученного мозга.

Ритмичный гул поющих голосов крутился вокруг нее, как и резкий дым от того, что выглядело чем — то вроде горящей травы. Вихрящийся дым терзал ее глаза и покрывал ее горло, и так же, как она не могла сдвинуться и на дюйм, она не могла и говорить. Ни звука не слетело с ее языка, несмотря на то, как сильно она старалась вытолкнуть слова наружу. Все, что она могла делать, это дышать дымным воздухом и смириться с тем, где она находилась, но вместе с тем, как шли минуты, ее напряжение ослабевало до тех пор, пока она не поплыла где — то над своим телом, или так ей казалось. Каждое чувство казалось странным и неправильным.

Что это были за песнопения? Слова были ей непонятны, кроме одного элемента. Зло. Здесь был злой умысел, содержащийся в их вокализованных стихах. Это она прекрасно понимала, хотя и не могла разглядеть, кто издавал странные звуки, доносящиеся со всех сторон.

Она должна была умереть? С какой целью она была возложена на камни и связана? Почему она не могла говорить или двигать своим телом в любом необходимом направлении. Почему она не могла вспомнить, каким образом ее привезли в это место? И Кто? Это было странно, и она знала, что ее разум был не прав, но самым странным ощущением из всех для нее было отсутствие страха того, что случится с ней.

Селеста понимала, что она беспомощна, не что иное, как пешка в делах, разворачивающихся сегодня, но странно, что она не боялась своего положения.

Странно... настолько странной была ее непринужденность в происходящих событиях.

Тяжелый предмет был помещен на ее левую руку, ее пальцы сжались вокруг гладкого стержня, пока он не был надежно закреплен. Затем ее рука была поднята так высоко, насколько она могла подняться выше ее груди. Кто ее поднял? Она не могла разобрать, было ли это ее собственным движением, или другой человек каким — то образом контролировал ее тело, чтобы оно двигалось по его требованию.

Все было ни тем, чем казалось, и ей хотелось кричать от разочарования.

Селеста сконцентрировалась на предмете в ее руке, пока она еще могла это сделать. Тяжелый клинок из обсидиана. Очень острый остrokонечный клинок был занесен над ее телом и удерживался ее собственной рукой. Пение доросло до заунывного плача, который гремел в ее мозгу, когда снизошло понимание того, что она должна была сделать.

Она опустит клинок в тот момент, когда пение прекратится. Это и было ее сигналом. Как она это узнала, опять — таки, было абсолютной загадкой. Пение закончится, ее пальцы оторвутся от рукоятки ножа, и он упадет... и клинок пронзит ее сердце.

Но все произошло иначе.

В тот момент, когда нечестивый ропот прекратился, звук выстрела разрушил тишину. Нож был выбит из ее руки и с грохотом упал на пол, также и опустилась ее рука. Крики и волнения разразились во всех уголках, резкие звуки эхом отзывались в толстых каменных стенах, но все же она не боялась. Селеста знала, что кто — то пришел остановить происходящее злодеяние. Кто — то спас ее жизнь от преждевременной смерти.

И она обязана ему абсолютно всем...

Сильные руки держали ее близко, по сути, несли ее, пока воздух не очистился от тяжелого дыма, который ей пришлось вдохнуть во время ритуала. Селеста не знала, как много времени прошло, но инстинкт подсказывал ей, что она в надежных руках своего спасителя. Он изумительно пах, и она не чувствовала прохлады, пока прижималась к его телу, даже несмотря на то, что на ней было лишь легкое платье. Она осознала, что тяжелое одеяние было сброшено на нее, поэтому она и чувствовала это тепло. Его пальто?

Она вцепилась в его рубашку пальцами, отчаянно льнула к нему, думая, что никогда не отпустит его.

— Не волнуйся, теперь ты в надежных руках, — строгим голосом сказал он.

Звук его речи не соответствовал его добрым действиям и нарушил ее покой.

— Кто вы? — с раздражением выдохнула она, благодарная за то, что она снова может говорить, но с головой зарывшись в его рубашке, почти боясь посмотреть на него.

— Джеймс Блэквуд.

Она бросила взгляд, когда он посмотрел вниз, быстрый темп его шагов не замедлился и тогда, когда он подхватил девушку для ее же сохранности, неся так, как будто она весила не больше влажного одеяла. Она знала, кем он был, она видела фотографии и слышала упоминания о нем в газетах, и вместе с тем именем, которое он назвал, она могла сложить два плюс два. Ее спасителем был не кто иной, как Граф Блэквуд.

Боже милосердный!

Как только она взглянула на него, Селеста поняла, что она будет помнить о Лорде Блэквуде всю свою жизнь. По правде говоря, она не смогла бы его забыть, даже если бы попыталась.

Широкие плечи обрамляли высокий стан, излучавший силу и мужественную энергию во всех смыслах. Густые волосы, такие темные, как ночь, были собраны назад, и был виден вдовий пик на темени [прим. пер. — залысина]. Благородные скулы обрамляли точеную челюсть, прочерчивающую жесткую линию его рта. Его темно — карие глаза были прекрасны — теплые, но вместе с жесткостью его черт казались неуместными на его лице. Они были широко раскрыты, пока он пристально изучал ее.

Это единственная деталь той ужасной ночи, которую она всегда будет помнить с абсолютной ясностью. Темные, глубокие, прекрасные глаза Джеймса, пожирающие ее.

И она была полностью околдована им.

Глава 1

Леди Блэквуд выглядела так же красиво, как и в первый раз, когда Джеймс увидел ее. Ну, может быть, не такой сияющей, как она выглядела в этот момент, учитывая, что она была одета в свой свадебный наряд из шелка и кружев.

Нет, в первый раз, когда он увидел ее, Селеста была не в лучшей форме. Хотя все же была красива.

В том ужасном лондонском гроте, где она была во власти распутной компании мужчин, которые собирались сделать с ней...

Сделать что? Он все еще не знал, даже каковы были их намерения. Принести ее в жертву на языческом алтаре какого — то демонического бога подземного мира для единственного развлечения людей, имеющих слишком много денег и времени в своих руках? Использовать ее кровь для дальнейшего языческого ритуала? Наверняка, там были и очень развратные создания. По крайней мере, люди той ночи могли теперь ожидать, что будут гореть в аду. Их Клуб Адского огня оказался действительно таковым. Джеймс не мог сдержать удивления своей шутке и ухмыльнулся. Селеста была избрана для их нечестивых ритуалов исключительно из — за своего целомудрия. Видимо, только девственница могла сгодиться для их ритуальных сделок.

Непорочная молодая красота, чистая и нетронутая.

Представляя сцены той ночи в своей голове, ему пришлось подавлять дрожь. Если бы он прибыл хоть минутой позже, для его Селесты было бы слишком поздно. Участники клуба опоили ее зельем, который захватил ее разум до такой степени, что она вонзила бы клинок в свое сердце, если бы он не прервал ее в подходящий момент.

Слава Богу, он успел вовремя.

Но как он появился, это история для другого раза. Джеймс предпочитал думать об этом,

как о божественном вмешательстве судьбы, и принял свой дар таким, каким он был для него — чем — то очень ценным.

По правде говоря, он обнаружил ее бедственное положение вовремя, чтобы спасти ее. И как только он увидел, что она собирается сделать с собой, он начал действовать без единой другой мысли, кроме той, что она нуждалась в помощи. Остальное пришло позже. То, что началось с расследования убийства друга, превратилось в слежку, что и привело его в этот адский лабиринт.

Загадочная смерть его друга теперь была раскрыта, убийцы отправлены в надежные руки правосудия, и когда все было сказано и сделано, Джеймс каким — то образом обнаружил себя женатым мужчиной. На прекрасном видении, сидящем напротив него.

Это вернуло его обратно к положению дел на расстоянии вытянутой руки.

В своей жизни он спал со многими женщинами, кроме тех, что делятся на две категории — жены и девственницы.

Он держался от обеих подальше по очень серьезным причинам.

Спать с чужими женами было проблематичным делом в лучшем случае, а что до девственниц... ну, они, должно быть, самые, черт возьми, загадочные представительницы женского пола на Земле, не то чтобы у него был какой — то личный опыт с одной из них.

Тем не менее, он обладал обеими теперь, и свидетельство о браке с едва высохшими чернилами доказывало это. Одна девственная жена спокойно сидела напротив него, с изящно сложенными руками на ее коленях, ее сине — серая шелковая юбка покрывала сиденье кареты. Его рот становился влажным, когда он молча любовался ею.

Селеста была так красива, что сложно было отвести от нее глаза даже на мгновение, когда он снова впадал в безудержное вожделение. Каштановые волосы, уложенные в длинные кудри, лежащие сзади на одном плече и покоящиеся на сочной выпуклости ее кремовой груди. Розовая, пышная нижняя губа, которую она только что облизала... Ее гортань, которая нежно пульсировала, когда она сглатывала. Он хотел поцеловать, прикоснуться и взять ее. Каждую ее часть.

Все в Селесте было так мучительно соблазнительно для него, и столь же мучительно было вспоминать, что она была невинной девственницей, которая ничего не знала о том, что он хотел сделать с ней. Я должен буду научить ее, как заниматься сексом.

Он может умереть еще до того, как ему удастся сделать хоть что — то из этого, мрачно думал он.

Джеймс протянул ногу, чтобы помочь ослабить эффект неудобно стягивающихся яиц и твердеющего члена, и попытался расслабиться.

Это продолжалось около двух секунд, прежде чем он решил мечтать о том, что находится под роскошными шелками, покрывающими его прекрасную невесту.

Он мог скользнуть руками под ее объемные юбки, если бы хотел. У него хватило ума, потрогать ее грудь, чтобы подавить свое любопытство, насколько она прекрасна. Он не помнил, чтобы когда — либо так хотел женщину, как он хотел Селесту. И они были совершенно одни внутри этого экипажа. Джеймсу не нужно было напоминание, что он имеет законные права делать все, что он пожелает, со своей новой женой.

И, черт возьми, он очень хотел сделать с ней многое.

Джеймс считал Селесту красавицей с тех пор, как он впервые увидел ее.

Немалая часть ее была продемонстрирована той ночью, когда она лежала на импровизированном алтаре, собираясь убить себя, одетая только в ночное белье. В то время,

когда он двигался быстро, без единой мысли, кроме того, что девица в беде и нуждается в спасении, Джеймс даже мечтать не мог, что девица будет принадлежать ему всего через три недели.

Но она принадлежала ему.

Ее родители были так благодарны ему за спасение их дочери, что буквально с ликованием танцевали, когда на следующий день он позвонил, чтобы узнать, как она чувствует себя после ее испытания. Они, вероятно, думали, что, образно, их корабль действительно прибыл в порт и палит из всех пушек. Граф, оплачивающий суд их дочери, обогатил их положение в обществе так же, как их карманы. Лорд Блэквуд не был дураком, и мистер Дюбуа тоже.

Но по прошествии дней он оказался не в состоянии держаться подальше от своей очаровательной девицы. Мысли о Селесте Дюбуа заполняли его голову до тех пор, пока ничего не оставалось, кроме как сделать ее своей. Была также обеспокоенность тем, что тот, кто подверг ее опасности однажды, попытается сделать это еще раз, потому что она все еще сохранила свой желанный целомудренный статус. Если сатанисты приносили в жертву девственниц в Лондоне, единственный способ действительно обеспечить полную безопасность Селесты состоял в том, чтобы освободить ее от этого товара, который ставил ее под угрозу.

После этой ночи Селеста перестанет быть девственницей, и оставшиеся разрозненные злодеи узнают об этом. Она будет бесполезной в их глазах.

Но не для меня.

Что — то в ее нетронутой красоте трогало его закаленное сердце, больше похоже на то, что до него добрались и все еще бьющееся выхватили из груди. И Джеймс хотел защитить ее от всяких неприятных сплетников, шепчущих тут и там о языческом культе, похитивших ее и проявивших свою развращенность. Конечно, это не так, и Джеймс узнал бы, потому что он был там и видел своими глазами. Он хорошо знал, как люди любят спекулировать и доводить себя до неистовства за чужой счет. Ну, это будет не за счет его леди Блэквуд!

Нет, необходимость защищать ее привела к его немедленному предложению сделать Селесту его женой, прежде чем кто — нибудь другой схватит и заберет ее.

Поэтому он сделал ей предложение, которое она робко приняла, к его облегчению и с сердечными благословениями ее отца.

Он нуждался в графине, чтобы подарить ему будущего лорда Блэквуда, даже если еще брак был не для него еще месяц назад. Отнюдь нет. Он прекрасно устроился на развратных путях холостяцкой жизни, характерной для людей его класса. Типичной, но не такой интересной и предсказуемой.

Селеста, с другой стороны, была ему интересна, и даже близко не была предсказуемой. Джеймс никогда не знал, о чем она думает с ее мягким поведением и застенчивыми улыбками. Она не была женщиной, которая скрывала свои чувства, поэтому он действительно не знал, что происходит в этой ее красивой голове. Ее мягкость только служила для поддержания ее тихой тайны и привлекательности. Что она думала о их замужестве, подумал он, любуясь ею с места напротив. Была ли она рада быть новой графиней Блэквуд?

Она была очень молода и, несомненно, многое узнала о своих новых обязанностях в качестве его жены. Первым, из которых, было родить наследника. Каким — то образом, его мысли продолжали возвращаться к размышлениям о том, как бы затащить ее в постель и

поработать над тем, чтобы этот наследник все — таки появился на свет. Безнадежно...

Баскервиль Холл будет в зоне видимости через час или около того, он судил об этом по тому пейзажу, который они сейчас проезжали, глядя в окно.

Он обернулся к своей невесте и вдохнул аромат ее духов, уловив свежую сладость апельсина и жимолости, смешанных вместе в самой восхитительной комбинации.

И Джеймса поразило твердое осознание того, что он не выдержит еще один час, если он не сможет ощущать ее рядом...

Глава 2

В момент, когда Джеймс сидел в экипаже напротив нее, его рот растянулся в редкой улыбке, когда он внимательно изучал ее, и в следующий момент он уже был рядом с ней. Он взял ее за подбородок и притянул к себе. Она знала, что он собирается поцеловать ее снова и в ожидании задержала дыхание, оценивая его прекрасное лицо, когда он наклонился к ней. Селеста любила поцелуи Джеймса, но, если честно, их было всего несколько с момента их помолвки. Но теперь, раз уж они поженились, она надеялась, что он будет целовать её чаще.

Он был так близко, что она чувствовала жар, исходящий от его широкой груди, когда он прижимался к ней, его красивый рот опустился и накрыл её решительным поцелуем.

Горячий, влажный и требовательный — так бы она описала его поцелуй. Это было совершенно непохоже на те поцелуи, которые он дарил ей прежде, когда его жесткое тело напирало на ее более мягкое.

Селеста почувствовала прикосновение его языка к ее губам и, подчинившись, открыла рот, испуганная и неуверенная, что делать. Он как можно мягче облизал её губы, дразня их дальше, чтобы попробовать ее. Это было так, как будто он пробовал ее на вкус. Сначала дегустация, а затем пожирание.

Она вздрогнула от этой идеи и отважилась прикоснуться своим языком к его. Он застонал в ответ. Снисходящая жара удивила ее, когда она узнала об этом новом способе поцелуя и о том, как она себя чувствует, она запомнит это до следующего раза. Следующий раз будет, взмолилась она. На самом деле, Селеста надеялась, что он просто продолжит и никогда не прекратит целовать ее так.

Мягкость его языка, сплетающегося с ее, с уверенностью требующего каждую часть ее рта, заставила Селесту почувствовать жар в тех местах, в которых она никогда не испытывала. Она прижалась к нему, понимая только то, что... она... не... хотела... чтобы он...останавливался.

Поцелуи Джеймса становились более требовательными, пока он не заставил себя засунуть свой язык в ее мягкий рот с глубокими и сильными движениями, имитируя другой тип толчка, который он хотел сделать. Она вцепилась в него, подчиняясь, в то время как он был взволнован первым опытом пребывания внутри нее, хотя бы так. Это было так хорошо. Селеста чувствовала себя так хорошо.

Она была прекрасна.

Он снова и снова повторял это движение, твердо держа ее лицо обеими руками, проникая в нее до тех пор, когда он уже не знал, где его рот отделяется от ее. Язык, губы, зубы, все вместе, он сливался с ней до такой степени, что не мог думать ни о чем, кроме того, чтобы взять ее всю.

Но я не могу, мы в экипаже.

Его стон проник в её рот, и Селеста почувствовала разочарование внутри него. Но это не удивило ее, потому что она чувствовала такое же расстройство. Она познала глубокое беспокойство в ее теле, и все же ей также казалось, что она может разлететься на части от малейшего прикосновения. Горя от жара, она чувствовала, что лоб покрылся испариной и между ее болящей грудью, утянутой ее лифом. Она боролась с необходимостью выгибаться, желание двигаться против его твердого тела, почти не поддающегося ей. Что происходило? Ей нужно больше чего — то, но она не знала, что это такое и как это получить. Селеста всхлипнула в знак протеста против его разрушительного поцелуя.

Джеймс резко остановил поцелуй и отстранился, нахмутив лоб. Он сделал несколько сильных вдохов и задержал дыхание, пока его лоб не уткнулся в ее, и затем продолжил глубоко дышать. Она осознала, что ее руки яростно схватили его за широкие плечи, держась за него, как за саму жизнь.

— Джеймс? — Спросила она, затаив дыхание, высовывая язык сквозь опухшие губы, чтобы почувствовать вкус, который он оставил во рту у нее. Он засунул язык мне в рот! Она все еще чувствовала его, хотя его уже не было там.

— Тебе больно?

— Нет, — ответила она, глубоко дыша.

— Я испугал тебя?

— Нет, Джеймс. Ты никогда не пугал меня, никогда.

— Я слышал, ты всхлипнула. — Он приложил руку к ее щеке и провел пальцем по ее влажной нижней губе.

— Я не знаю почему, — ласково сказала она. — Я чувствовала себя так, будто готова была взорваться. Было так жарко.

Он злобно усмехнулся и лениво кивнул головой, как будто он точно понял ее проблему.

Селеста почувствовала, что его запах опьяняет ее. Темный и красивый, пахнущий богатыми пряностями с намеками на мыло для бритья и мяты, он навис над ней и смотрел ей в глаза. Она наклонилась к его шее, чтобы вдохнуть больше его восхитительного запаха.

— Ты так прекрасна, Селеста, — сказал он, продолжая водить пальцем по ее губам, надавливая на ее зубы, заставляя ее снова открыть рот для него. — Ты мне так нравишься. — На этот раз он втолкнул большой палец в ее рот, а не язык. — Соси, — сказал он ей, сверкая темными, как патока, глазами.

Она повиновалась мгновенно, ведя своим языком по его большому пальцу и лаская его, как будто она слизывала варенье. Чувство было захватывающим и, как ни странно, очень впечатляющим опытом, потому что Селеста узнала что — то новое в тот момент, Джеймс наслаждался этим так же сильно, как и она.

Его глаза широко вспыхнули на мгновение, прежде чем опуститься вниз, наблюдая за тем, как она выполняет его приказание, еще одно доказательство того, что ему нравилось то, что она делала так же, как и ей самой. Он немного вытащил свой палец, а затем снова втолкнул его, повторяя тот ритм, который он задавал своим языком за несколько минут до этого.

Селеста сосала его палец, пока он вводил и выводил его из ее рта, держал в плену эротическим заклинанием мужа. Не силой, а ее желанием иметь больше того, что он делал с ней сейчас. Она выгнулась, пытаясь облегчить пульсирующую жару и огонь, заливавшие нижнюю часть ее тела, отчаянно нуждаясь в большем. — О, Джеймс, я...

Он застонал, как будто от боли, и вытащил большой палец изо рта, собирая влагу с ее

нижней губы. Она разочарованно нахмурилась и подумала, что она сделала что — то неправильно.

— Тебе это понравилось, милая?

Она кивнула.

— Тогда почему ты хмуришь свое красивое личико? — тихо спросил он.

— Ты перестал это делать, — объяснила она.

Выражение его лица смягчилось, и появился намек на улыбку, когда он приблизился к ней. Она надеялась, что он намеревается поцеловать ее еще разок и, затаив дыхание, снова взглянула на губы.

Но прежде, чем их губы соприкоснулись, он сказал, — Я не остановлюсь этой ночью, когда ты будешь в моей постели, милая красавица. Тебе еще столькому учиться, и я не остановлюсь всю ночь.

Ее живот сделал кувырок, и она вздрогнула в его объятиях, когда он снова поцеловал ее.

Глава 3

Я, наверное, умру до наступления ночи.

Джеймс уже отчаялся войти в нее, но все же сочувствовал ее незнанию того, как быть с мужчиной в интимной близости. Селеста понятия не имела, что будет. Нет, он был уверен. Представление ее тела под его захватывало разум Джеймса до такой степени, что он должен был пересесть или рискнуть травмировать те его части, которые он ценил.

Он попытался отвлечься, глядя в окно, чтобы оценить расстояние, которое они уже преодолели в своем путешествии. Он решил привезти свою невесту в загородный дом в Баскервилл — Холл в сельской местности Эссекса, где они могли провести начало своего брака в буколическом мире, вдали от тяжелой жизни города и любопытных сплетен. Вместо этого он будет проводить ночи и, надеюсь, дни, обучая ее прелестям плотских удовольствий и выполняя свой долг по зачатию 6-го Лорда Блэквуда.

Но начать было не так просто, как продолжала напоминать ему его совесть. Он не мог просто посадить ее на свой член и поручить ей покататься на нем, пока они оба не получат бессмысленное удовольствие, подумал он мрачно.

Неужели?

Нет, он не мог, и он не был животным, хотя на данный момент он чувствовал себя очень похожим. Они были в движущемся экипаже.

Селеста была девственной девой, требующей от него всяких нежных выражений, рассуждал он.

Но его каменный, твердый, стоящий член, несомненно, не сотрудничал с его совестью, не так ли?

Когда Джеймс поцеловал свою жену, ему пришла в голову мысль о том, что он может сделать, чтобы облегчить ее очевидные сексуальные желания с беспокойством о том, он сделает что — то лишнее. Сейчас, прежде чем он сделает что — то, о чем пожалеет.

Она чувствовала себя мягкой, такой мягкой и сладкой, когда он смело поцеловал ее, прижимая ее к плюшевому бархатному сиденью экипажа. Он засунул в нее свой язык, снова подражал сексу, показывая ей, что ему нравится и что нужно от нее. Но это была просто проба. Предназначенная только для того, чтобы научить ее самой малости того, что их ждало позже сегодня вечером в комнате господина в Баскервилле.

Селеста стонала под ним, надавливая на него языком, встречаясь с ним раз за разом, позволяя ему увидеть, что она готова к большему. Он держал ее лицо одной рукой, а другую держал под юбками, медленно скользил по шелковистой коже ее бедра. Ее глаза вспыхнули, и ее дыхание сбилось, когда она пришла к осознанию того, куда скользит его рука.

— Да, сладкая красавица, я коснусь твоей симпатичной киски и покажу тебе что — то чудесное.

— Ах... Джеймс, — выдохнула она, когда он провел пальцем по складкам ее щели и раздвинул их. Бархатная мягкая плоть встретила его палец и что — то еще. Скользкое горячее свидетельство женского возбуждения.

— Боже, ты намокла. Для этого, дорогая моя, ты вполне готова, — сказал он ей, обнаружив её клитор и начав поглаживать его круговыми движениями.

Селеста подумала, что умрет от удовольствия.

Она не думала, она знала, что умрет от этого, и Джеймс будет овдовевшим до рассвета завтра. Чувства, вызванные его прикосновением, были неописуемы, полностью отвлекая ее от шока именно там, где Джеймс положил пальцы. Моя киска!

— Раздвинь ноги.

— Джеймс...

— Тсс, милая, позволь мне. Я хочу, чтобы ты почувствовала что — то чудесное, помнишь? — осторожно напомнил он, но держал свою руку в ней, его пальцы кружили и закручивались самым приятным способом.

Она издала приглушенный стон и повиновалась, совершенно плененная чувствами, которые его трясущие пальцы вызывали. Затем она почувствовала, как в нее вошел кончик пальца и начал медленно входить и выходить из ее прохода. Он добавил второй кончик пальца.

— Ты такая узкая, милая красавица. Я хочу, чтобы ты почувствовала это прямо сейчас, это поможет тебе подготовиться к большему, — сказал он, продолжая касаться ее девственной плевы своим волшебным пальцем.

Это было чересчур для понимания. Слишком много всего, потому что она потерялась в командах, которые он дал ей вместе с жаром его прикосновения. Селеста извивалась и изгибалась, как бессмысленное существо, стремящееся к некоему неопределимому концу, когда внезапно в самом центре ее влагилица разразился невероятный прилив тепла.

Она откинула голову на сиденье экипажа и справилась с удовольствием, полностью поработанная тем, что с ней делал ее муж. Слезы скользнули по углам ее глаз, когда Джеймс прижался к ее лицу, пристально глядя на нее. Селеста зажмурила глаза, но прежде чем она это сделала, она увидела выражение его лица, каким оно было. Триумф. Джеймс торжествует от того, что он только что сделал, точнее, что он только что заставил ее сделать...

Когда она набралась храбрости, чтобы снова открыть глаза, Джеймс все еще был там, глядя на нее с беспокойством, поглаживая волосы на макушке и заправляя пряди за ухо. Он поцеловал ее в губы и спустился вниз, чтобы покрыть поцелуями шею, а затем опустился, чтобы прижать губы к вершинам ее груди. Он вытащил свои пальцы из ее киски и поднес их к губам, слизав доказательство ее удовольствия с кончиков пальцев напоказ, прежде чем поднести пальцы к носу и вдохнуть.

— Джеймс! — вскрикнула она в знак протеста, смущенная до глубины души.

— Селеста, — процедил он ей, усмехаясь и кивнув, его темные волосы падали вперед,

очерчивая его челюсть. — Каким было это чувство?

— Я думала, что мое сердце остановится, и я умру! — заикалась она, все еще дыша слишком глубоко для правильной речи.

— Болезненная смерть или приятная? — Он все еще ухмылялся и выглядел совершенно довольным ситуацией.

— Я думаю... и то, и другое, — ответила она правдиво, чувствуя, что краснеет до корней волос.

Джеймс продолжал напряженно смотреть на нее, его глаза пожирали, но также восхищались. Селеста задавалась вопросом, о чем он думает, и что он имел в виду под подготовить ее к большему. Что же произойдет позже? Идея испугала ее так же сильно, как и взволновала.

Но он просто поцеловал ее нежно в губы, прежде чем потянуть, чтобы она села рядом с ним на сиденье, приобняв ее, лениво провел над ее грудями одним длинным пальцем. Она узнает, что Джеймс часто делает что — то без объяснения причин. Он позволял себе вольности с ее телом и все же ничуть не пугал ее, потому что она ему доверяла. В конце концов, он спас ей жизнь. Она любила его, даже если она не очень хорошо его знала. Ее сердце знало его, и этого было достаточно, чтобы Селеста позволила доверять ему.

Фактически, наедине он был совсем не похож на Джеймса, которого она встретила в первую роковую ночь. Тот был серьезным джентльменом, спасителем с чинным поведением, а на его месте кто — то намного больше... интимный и развязный... и смелый.

Дрожь скользила по ее телу, когда он держал ее напротив себя на сиденье.

— Восхитительно, кстати, — тихо сказал он ей на ухо.

— Восхитительно? — Она вопросительно возвела глаза, снова застопорилась, как красиво он выглядел, когда он не задавался.

— О, да, дорогая, ты похожа на восхитительный, пряный, вишневый пирог, — сказал он злобно.

Ее живот сделал еще одно сальто, и она не смогла сдержать легкий стон, который соскользнул с ее губ.

Глава 4

Каменные башни Баскервиль Холла и готические арки величественно возвышались над внутренним двором, когда экипаж остановил движение. Наступили сумерки, и вечерние звезды начали свое ночное шоу. Звезды казались намного ярче в сельской местности, в отличие от ночного неба города, подумал он, когда опустил Селесту с экипажа. Джеймс был поражен тем, что он надеется, что Селесте понравится этот дом. Откуда взялась эта идея? Он должен быть мягким в дворянстве, даже учитывая такую бессмыслицу, что его новой жене не понравится его родовое поместье. Значило ли это вообще что — то? Для Джеймса было очень странно размышлять об этом, но он должен был признать, что счастье Селесты имело для него значение. Большое значение. Он очень хотел видеть ее счастливой. Действительно странно...

— Добро пожаловать домой, лорд Блэквуд, и я могу поздравить вас с вашей свадьбой. — Хадсон приветствовал его на ступеньках со всем присутствующим персоналом, к его раздражению. Джеймс проследил за ходом введения Селесты в качестве своей новой графини к самым высокопоставленным слугам с едва сдерживаемым терпением. То, чего он

действительно хотел, было остаться наедине со своей невестой и не собирался терпеть никаких прерываний.

— Сообщите повару, чтобы он приготовил горячий ужин, который должен быть доставлен в мои покои, когда я позвоню. Леди Блэквуд и я сегодня пообедаем в комнате, — сообщил Джеймс своему дворецкому. — И, Хадсон, никакого самоуправства, кроме помощи новой служанки леди Блэквуд, когда это потребуется. Сегодня мне не нужно обслуживание, — сказал он, протягивая Хадсону свое пальто и плащ Селесты.

— Очень хорошо, милорд. Как угодно. — Хадсон напряженно склонил голову, вероятно, потрясенный отклонением от протокола.

Джеймс получил некоторое удовольствие от очевидного удивления, которое его приказы только что оказали на старика. Он надеялся, что Хадсон переживет скандальные сплетни, которые наверняка будут в зале слуг сегодня вечером, о хозяйине и новой любовнице в брачную ночь. Пока они все держались подальше и оставили его наедине с Селестой, все шло замечательно.

Селеста была спокойна, когда он проводил ее вверх по большой лестнице в комнату, которую они разделят, ее рука крепко обняла его. Он чувствовал, как она дрожит сквозь прикосновение, и осознал, что все это испытание, которое нужно было пройти, чтобы ввести ее в новый дом, должно было быть сложным для нее, особенно когда все внимание было на ней. Он ненавидел этот факт.

— Твои покои здесь, и ты можешь изменить их в соответствии с твоими предпочтениями, когда пожелаешь. Я хочу, чтобы ты сделала их своими, Селеста.

Ее глаза были широко открыты, когда она оглядела спальню, в совокупности с комнатой для купания и гардеробной, прежде чем повернуться к нему. — Спасибо, Джеймс, эти покои прекрасны и в нынешнем состоянии. Я уверена, что здесь мне будет очень комфортно, — тихо сказала она, — и твое предложение чрезвычайно великодушно. Я думаю, что буду очень избалованной женой. — Ее сине — серые глаза были на мокром месте.

— Надеюсь, моя дорогая. И это моя работа — баловать тебя — то, что я намереваюсь делать довольно основательно, — сказал он дразня, надеясь получить от нее улыбку.

Но Селеста осталась спокойной, только кивая в ответ, опустив глаза.

Джеймсу пришлось наклонить голову, чтобы найти ее губы, чтобы поцеловать ее. Он сделал это медленно и с большой осторожностью, посасывая ее нижнюю губу и нежно покусывая верхнюю.

Через мгновение он стал немного смелее с ней, держа ее за щеки. Он опустил лицо в свои руки и углубил поцелуй, целуя ее теми же движениями, как прежде. Селеста уступила, но он определенно почувствовал легкие толчки, исходящие из ее бархатисто — мягких губ, и понял, что его сладкая девственница снова чувствовала беспокойство и снова испугалась.

И Джеймс точно знал, что нужно сделать, чтобы позаботиться об этой маленькой проблеме.

— Моя дорогая, мои покои находятся прямо через эту смежную дверь, — сказал он ей. — Но сейчас я предам тебя в умелые руки твоей служанки, чтобы помочь подготовиться к нашей первой ночи вместе. У нас был долгий день, и пришло время успокоиться, чтобы мы могли расслабиться и устроить ужин, прежде чем ложиться спать.

Она резко подняла голову. — Вы хотите, чтобы я пришла к вам в покои... ради брачной ночи и сна? — Она, похоже, была удивлена просьбой, и он задавался вопросом, разделяли ли ее родители одни покои. Он знал одно, и это было его желание, чтобы Селеста спала в его

постели, где он мог добраться до нее ночью, если он захочет ее. Эта идея была решена уже. В ближайшие дни она не будет часто покидать его постель, если он сможет этому поспособствовать.

— Да, конечно. Иногда я буду приходить к тебе сюда, но сегодня вечером я хочу, чтобы мы были вместе в моей спальне. Просто пройди через эту дверь, когда будешь готова, и я буду ждать тебя по другую сторону. — Он улыбнулся ей, желая облегчить ее нервозность, потому что мог сказать, что она не уверена. — Я не могу дождаться еще одного момента, чтобы сделать тебя полностью своей, Селеста, — сказал он мягко.

— Но что ты имеешь в виду, разве я уже не твоя, Джеймс?

— То, сто мы сделали вместе в экипаже, и как ты себя чувствовала? Я сделаю это... и многое другое. Гораздо больше. — Она глубоко сглотнула, и ее прекрасная шея пульсировала. — И мы будем очень близко друг к другу, и да, Селеста, ты уже моя.

Она мило покраснела и кивнула головой, и он подумал, действительно ли она поняла его очень краткое объяснение. Кто знал, что ее мать сказала ей о брачной постели, если вообще что — нибудь сказала. По его мнению, миссис Дюбуа казалась довольно глупой женщиной, но она привела Селесту в мир, поэтому он был благодарен своей тещи за это, по крайней мере.

— Хорошо, Джеймс, я приду.

Да, придешь, красавица, я обязательно позабочусь об этом...еще как.

Бертрис — служанка — вышла из комнаты, едва нажав на дверь, когда она закрыла ее за собой. Селеста глубоко вздохнула и посмотрела на себя в зеркало в полный рост в своей гардеробной и попыталась успокоить свои нервы, но это было бесполезно. Она дрожала от мысли о том, что Джеймс сказал ей, прежде чем оставил ее с Бертрис, чтобы подготовиться к постели. «То, что мы сделали вместе в экипаже, и как ты себя чувствовала? Я сделаю это... и многое другое. Намного больше».

Сама идея почувствовать это снова была тревожной. Джеймс коснулся ее, и теперь он собирался сделать больше чем то, что он сделал в экипаже? Длинная дрожь прокатилась по ее позвоночнику, и она сделала еще несколько глубоких вдохов. Постель. Он тоже озвучил, как будто сегодня она будет спать в его постели — с ним! Идея сбила с толку ее, потому что ее мать специально сказала ей, что ее новый муж захочет спать отдельно от нее. Она объяснила Селесте, как лорды и дамы всегда живут в своих комнатах, и если лорд Блэквуд нуждается в ней, он придет к ней, когда пожелает. Ее мать также сказала Селесте быть послушной женой и соглашаться с тем, что потребует от нее Лорд Блэквуд, и она будет вознаграждена ее собственными младенцами, которые сделают ее мужа счастливым. И это была вся мудрость, которую Селеста узнала о хорошей жене.

Он велел мне прийти к нему в его комнату. Селеста просто чувствовала себя такой неуверенной во всем на данный момент. Этот странный дом, ее новая роль, как любовницы, как графини, эти роскошные, но очень незнакомые покои, поведение Джеймса в экипаже, все вместе, этого достаточно, чтобы ранить ее до глубины души. Но все же ей было любопытно, и она предпочла бы быть с ним, нежели в одиночестве в этом странном доме. Она напомнила себе, что Джеймс никогда не был жесток к ней и никогда не был кем — то другим, кроме джентльмена, каждый раз, когда она была в его компании. И теперь он был ее мужем, и она любила детей. Идея иметь своих детей была прекрасна, и она надеялась, что родит много маленьких мальчиков и девочек. Если это сделает Джеймса счастливым, как

сказала ее мать, тогда все прекрасно.

И если Джеймс пожелал, чтобы она спала в его спальне сегодня вечером и пришла к нему, одетая только в бледно — розовую ночную рубашку с лежащими на плечах волосами, тогда, конечно, она сделает это.

Селеста медленно подошла к двери, на которую Джеймс указал раньше, повернула тяжелую защелку и проскользнула в комнату хозяина.

Ее первое впечатление было приправленным ароматом, который ассоциировался с ним. Он всегда пах так божественно. Она вспомнила его уникальный аромат с их первой встречи, когда он отвез ее в безопасное место. Как пена для бритья, смешанная с экзотическими специями. Она не забудет это до самой смерти.

Селеста вдохнула аромат Джеймса и двинулась дальше в комнату, заметив огромную резную кровать, задрапированную шелковыми шторами, и задалась вопросом, где ее муж, потому что эта комната была определенно пуста.

Глава 5

Это были, несомненно, покои мужчины, подумала Селеста, ознакомившись с окружающим. Комната хозяина была декорирована роскошным бургундским шелком и обставлена дорогой мебелью из коричневой кожи. Цвета смягчал вид массивной мебели, сохраняя при этом мужское достоинство, полностью отсутствующее в бледном декоре ее апартаментов.

Но кровать была пугающей вещью сама по себе, и она вздрогнула от мысли, что сегодня должна спать на ней. Все было так ново и странно, и она понятия не имела, что должна делать или как вести себя, или что вообще будет. И Джеймса нигде не было видно, хотя он сказал, что будет ждать, когда она придет к нему. — Джеймс? — позвала она, но не услышала никакого ответа.

Чувствуя себя немного уставшей после долгого дня и путешествий, Селеста направилась к огромной резной кровати, взобралась на нее и с удовольствием обнаружила, что она была намного мягче, чем выглядела. На самом деле, она чувствовала себя очень комфортно, когда сидела на ней в ожидании, когда придет муж и сделает ее полностью своей, что бы это ни значило.

Джеймс нашел ее свернувшейся калачиком посреди его постели и вынужден был признать, что она выглядит прекрасно. Он никогда не видел ее спящей раньше, и понял, что это было еще одно первое ощущение из многих для него с ней. Она была также болезненно красива, начиная от каштановых волос, распущенных и растрепавшихся по кровати, до формы ее пышной груди и длинных ног под шелковистой ночной рубашкой, вплоть до ее красивых ступней, выглядывающих из — под подола.

И все это принадлежало ему.

Он отчаянно хотел видеть ее обнаженной, но осознал, что в тот самый момент он чувствовал намного больше, чем просто сексуальное желание своей Селесты. Он хотел ее так сильно, да, но с ней это значило нечто большее, чем просто секс, потому что теперь у него были права как мужа на нее. Джеймс также признал, что его чувства к Селесте были уникальны с самого первого момента, когда он увидел ее. Она запала в его сердце так или иначе, как стрела, выпущенная из лука Купидона.

Он сел на кровать рядом с ней и обнял ее, прижав лицо к ее шее и вдохнув ее

опьяняющий цветочный аромат. Она проснулась и сонно произнесла его имя: — Джеймс?

Джеймсу нравилось, как Селеста произносит его имя, легкий французский акцент вместе правильным английским произношением, что имело смысл, потому что ее люди имели глубокие связи с благородными домами Франции. Несмотря на их новое богатство, семья Дюбуа имела родословную, которая, вероятно, сбила его с ног, по документам. Никто не мог придраться к ней как к невесте, хотя не то чтобы он заботился о том, что думали другие. Черт, его отец никогда не уклонялся от раздач советов на протяжении многих лет. — Быстренько женись и заведи наследника, как только ты вступишь в наследство, сын. — Джеймс унаследовал титул более двух лет назад, и был только один способ, о котором он знал, чтобы зачать наследника.

Он потратил много часов, думая о Селесте и каково это чувствовать себя в ней, иметь ее дико, пока его бушующие желания не успокоятся до такой степени, что он мог бы нормально думать снова. Джеймс должен был признать, что в последнее время он был совсем не близок к «нормальному» состоянию. Он использовал всю свою нормальность, мечтая о том, чтобы иметь ее каждую ночь в постели и радость затеряться с удовольствием в ее молодом теле. Но что, если она не понимает его потребностей? Что, если она ненавидит секс... или его?

Селеста не была проституткой, зарабатывающей на жизнь тем, что развлекать мужчин. Она была невинной девушкой, не имеющей опыта и знаний о способах плотских удовольствий, и он тоже много думал об этом. Он должен был наставлять ее.

Прежде чем он спас ее в ту ночь, он никогда не уделял женщинам особого внимания на общественных мероприятиях или проституткам из борделей, которых он предпочитал, когда это было необходимо. Но тогда он никогда не хотел женщину так, как он хотел Селесту. Вероятно, она была самым большим шоком в его жизни. Найдя ее той ночью, а затем, когда она была в его объятиях и в безопасности, он обнаружил, что не хочет отпускать ее. Он не смог отпустить ее, поэтому единственной альтернативой было жениться на ней и сделать своей.

Джеймс был еще больше удивлен, когда она приняла его предложение даже без намека на колебания. Он беспокоился, что она может плохо относиться к тому, как они впервые встретились, вспомнив о ее травмирующем испытании и желая забыть все об этой ночи, даже о своем своевременном спасении. Но не его смелая Селеста. Она никогда не показывала, что ассоциировала с ним неприятные воспоминания о ритуале Клуба Адского Огня и его ухода. Наоборот, на самом деле. Она часто называла его, *mon beau sauveur*, мой прекрасный спаситель, что делало ее еще более замечательной в его представлении. Вполне вероятно, он был очень удачливым человеком, и теперь пришло время показать ей все, что он чувствовал.

— Мне нравится видеть тебя в своей постели, Селеста, — мягко сказал он ей, прижав ладонь к ее щеке, чтобы он мог видеть ее глаза, и она могла видеть его. — Ты принадлежишь ей.

Она прижала щеку к его ладони, прежде чем сказать, — Тебя не было здесь, когда я вошла, и поэтому я ждала тебя. — Она выглядела такой уязвимой и мягкой, когда смотрела на него. — Я просто закрыла глаза на мгновение и, полагая, заснула.

Я знаю, мне нужно было кое — что организовать, и мне потребовалось больше времени, чем я думал, но теперь я здесь. Она улыбнулась ему, как будто была счастлива увидеть его, и стрела Купидона только что погрузилась в его сердце. — Так ты проснулась, красавица, потому что я пока не хочу спать?

— Да, проснулась, — прошептала она, ее глаза расширились, когда он провел рукой по ее пышной груди через шелк ее ночной рубашки и нашел ее сосок пальцами. Он схватил его, пока тот не затянулся в красивый бутон розы, который ему нужно было почувствовать под его языком.

— Хорошо, — сказал он, когда потянулся, чтобы взять жесткий сосок в рот, — потому что в этой кровати есть чем заняться, прежде чем мы отойдем ко сну.

Она изогнулась, когда он прикоснулся, по сути, подтянул ее грудь к нему еще ближе. Он просто сосал ее сосок через шелк, ткань добавила трение, когда пропиталась его слюной и крепко держала ее. Он не собирался кончать с ней, пока эта досадная «девственная проблема» не окажется позади.

— Потому что я возьму тебя сейчас, а на этот раз меня не остановит ни рай, ни земля.

Селесте было уже все равно, что Джеймс делал с ней. Ничего смущающего не беспокоило ее сейчас, потому что все было слишком хорошо, чтобы волноваться.

Он не терял времени, развязывая шнурок на шее ее ночной рубашки и убирая его, срывая платье с плеч, чтобы предоставить ее грудь его голодным глазам. — Ты такая красивая, — сказал он с благоговейным трепетом. Фактически, он, казалось, был ошеломлен ее грудью и потратил равное количество времени, щедро целуя каждую из них, уделяя больше внимания ее соскам, чем чему — либо другому. Снова и снова он вбирал один из болящих сосков глубоко в рот, прежде чем отрываться, чтобы выпустить его с посасыванием и следами его зубов. Он доводил до боли, пальцы перехватывали соски, когда его рот прекращал сосать. Сосал один сосок и дразнил другой пальцами, покручивая и щипая сморщенную плоть, пока Селеста не хныкала под ним почти бессвязно от избытка чувств, которые она испытывала. Это было так приятно.

Джеймс контролировал ее, и Селеста ничего не могла сделать, кроме как согласиться на большее.

Он дал ей это.

Ее ночная рубашка поднималась по ее телу все дальше и дальше, пока не была полностью снята с нее и куда — то отброшена, вероятно, на пол. Она чувствовала прохладу воздуха на ее обнаженной плоти в совокупности с горящим жаром, бывшим повсюду. Джеймс смотрел вниз на ее тело, и она могла видеть голод в его выражении... как будто он мог съесть ее. — Ты такая изысканная, Селеста, — пробормотал он. Но потом он опустил голову и продолжил бродить губами там, где вздумается, по ее обнаженной коже: грудь, шея, горло, плечи, живот... повсюду. Она была полностью раскрыта, поскольку он вытворял любую вольность, используя свой язык, чтобы лизать и ласкать чувствительные места, о чувствительности которых она и не знала раньше.

Шокирующе было подчиниться таким интимным ощущениям, это было так прекрасно, что Селеста даже огорчилась, что она была обнажена, в то время как на ее новом муже все еще была одежда. Джеймс пришел к ней в темно — синей длинной рубашке из тяжелого шелка, но она подозревала, что это единственное, что было между ним и его собственной наготой. Был ли Джеймс тоже обнаженным? Как бы ей хотелось, чтобы его голое лицо коснулось ее. В этот момент она почувствовала тяжесть, когда он снова и снова насаждал своим бедрами на ее, закрывая и прижимая ее к матрасу.

Очень твердый и очень большой. Она знала, что это. Его мужская часть — его член. Селеста это знала, и, конечно же, она видела мужской половой орган раньше — просто не у взрослых мужчин. И действительно, была огромная разница между тем, что было у

мальчиков и тем, что Джеймс прижал к ней прямо сейчас.

Джеймс отступил и сел на колени, снова взглянув на нее. Шумный протест вырвался из ее горла, она снова почувствовала прохладный воздух вместо тепла тела Джеймса.

Но Джеймс тихонько усмехнулся и прижал обе руки между ее ног, широко раскрыв их, удерживая ее в таком положении, прижав ладони к внутренней стороне ее бедер. О, Боже, нет! Он уставился на оголенную киску и облизнул губы, как будто собирался съесть ее, но затем его голова опустилась ниже. Она запрокинула голову назад, когда почувствовала, как его язык лижет ее влагалище.

Глава 6

Ощущение вкуса ее влагалища во рту, смешанный с ее запахом, превратили его в зверя. Джеймс знал, что его точно отточенный самоконтроль вот — вот покинет его, и он ничего не мог с этим поделать. Было слишком поздно.

Он углубил язык в нее еще глубже, прежде чем снова вытащить его, двигая его вверх и вниз, пока не нашел ее клитор между своими губами, пока сосал. Так оно и было. Селеста изогнулась и закричала, но он крепко прижал ее к себе руками и продолжал держаться за ее киску. Она была так хороша на вкус и чувствовалась так потрясающе на его губах и языке, что он не мог остановиться. Ее отзывчивость заставила его понять, что он будет делать это с ней часто, и не мог дожидаться, чтобы объяснить ей, как сделать то же самое для него. Мысль о том, что его член будет между ее хорошенькими, как розовые бутоны, губами, едва не заставила его кончить.

Через мгновение он почувствовал, что стенки ее влагалища начинают пульсировать вокруг его языка, погруженного в нее, и знал, что она скоро кончит. — Почувствуй все это, Селеста. — Джеймс был настроен на то, чтобы полностью ее успокоить, прежде чем он возьмет ее в первый раз, надеясь, что это облегчит ему путь.

— Джеееееймс! — закричала она. Внутренняя сторона ее бедер сильно дрожала от его рук, когда она выгнула спину и подчинилась оргазму, но он крепко держал ее, успокаивая языком на ее клиторе, позволяя ей полностью отдаться ощущениям. Она тихонько застонала, ее дрожь не прекращалась до тех пор, пока он не почувствовал движения, вызванные ее глубоким дыханием. Через мгновение ее руки запутались в его волосах, но Джеймс не был уверен, пытается ли она подтянуть его ближе или оттолкнуть. Теперь не было никакого смысла стесняться, подумал он. Он увидел ее и попробовал, и теперь... он, наконец, испытает удовольствие, имея ее.

Джеймс снова опустился на колени и схватил обе половинки ее задницы, сжимая пышную плоть, но, в основном, чтобы позволить ей почувствовать его прикосновение к ее телу и узнать, что ее плоть не отказывает ему. Она принадлежала ему во всех отношениях, и он намеревался взять все, что ему полагается.

— Я больше не могу ждать, — простонал он, прижимая ее к бедрам, чтобы усадить.

Но для того, чтобы снять одежду и высвободить член, он должен был отвести свои руки... и вот тогда Селеста сделала слабую попытку оградить ее прекрасную киску от него. Широкие глаза и ее руки опустились между ее бедер, она уставилась на его стоящий член, указывающий прямо на нее. Ее грудь вздымалась, когда она дрожала от последствий ее оргазма... и выглядела испуганной.

Черт возьми!

— Не бойся, Селеста, — пробормотал он, нежно взяв ее запястья в руки и привязывая их к кровати, когда навис над ней.

Ты так красива для меня. Ты всегда была прекрасна для меня. Он шептал ей в шею и горло, мягко, нежно, не прекращая эту похвалу. — Каждая часть тебя прекрасна, и я хочу тебя так сильно. Мне нужно быть внутри тебя... здесь. Он подтолкнул головку своего члена к половым губам ее влагалища, сдерживая желание добраться до основания ее горячего, мокрого прохода. Вместо этого он взял себя в руки, нашел ее рот и глубоко поцеловал. Как только он почувствовал, что она смягчилась под ним, он втолкнул своей язык ей в рот так глубоко, как только мог, предавая ее тем ощущениям, которые раздражили ее до этого. У его маленькой девственницы была страсть. Ему просто нужно было разжигать угли, пока она не станет пылающим огнем.

Это не займет много времени.

После того, как она смягчилась под ним, он прервал поцелуй, чтобы удержать ее лицо, его губы были прямо над ней. Он подождал, пока она не откроет глаза, и он сможет видеть ее лицо. Она все еще тяжело дышала от ее оргазма, и хотя ее глаза были широко раскрыты, когда она смотрела на него, они не казались такими напуганными. Он прижал свой член к ней немного сильнее. Ее глаза вспыхнули безошибочным желанием. Это сказало ему то, что нужно, и это было хорошо, потому что он едва ли мог еще думать.

Джеймс засунул свой пульсирующий член в свою горячую девственную бухту и похоронил себя в ней по самые яйца.

Селеста почувствовала интенсивную наполненность, а затем резкое ощущение чего — то упругого глубоко в ее теле, внутри ее влагалища, куда Джеймс только что засунул свой член! Была какая — то боль, но странно, она не хотела, чтобы он вышел из нее. Она нуждалась в нем. Жаждала этого, если так можно сказать. Было ощущение чего — то, без чего она не могла жить в данный момент.

Он застонал и снова поцеловал ее, его язык охватил ее рот уже иначе. Джеймс, казалось, точно знал, чего хочет от нее, поэтому она позволила вести себя. Она больше не контролировала свое тело. Ее муж держал все под контролем.

— Я как будто в раю, — сказал он ей в губы. — Тебе больно?

— Нет, Джеймс, — ответила она и покачала головой. — Мне нужно больше.

Его глаза вспыхнули, и Селеста подумала, что он был доволен ее ответом, потому что он прижал губы, чтобы поцеловать ее снова. Когда его язык закружился и ворвался в ее рот, он начал двигать бедрами, заставляя его жесткий член скользить и выходить из нее. Поначалу медленно, но проникновение его требовательной плоти становилось более интенсивным, чем дальше он заходил. Жало боли исчез полностью, и на его месте начался поглощающий огонь желания и вожделения. Джеймс продолжал сильнее, сильнее, с каждым толчком, и она не могла сдерживать потребность своего тела двигаться. Она почувствовала липкий пот и запах кожи и обнаженных тел.

Его яйца ударялись по ее чувствительному влагалищу, когда он двигался, и поэтому она начала двигаться в своем собственном направлении, против его толчков, заставляя его погружаться глубже с каждым толчком, их тела были полностью связаны. Селеста поняла, что ее способность сохранять свое тело неподвижным абсолютно невозможна.

Это происходило снова. Такое же чувство, что он сделал с ней ранее, когда она изо всех сил стремилась к тому, чтобы кончить. Джеймс вошел в нее мягче с видом дикой опустошенности. — Ты так хороша, в тебе так узко, — он задохнулся, его губы беззвучно

шевелились, когда он потерял все остальные слова.

Селесте было все равно. Она просто почувствовала его и принимала все, что он ей давал. Еще через мгновение она почувствовала, как его плоть набухла внутри нее еще сильнее, чем раньше, что, казалось бы, невозможно. Джеймс выкрикнул ее имя, держась неподвижно и глубоко, когда горячее тепло распространилось глубоко внутри нее, где был его член.

Движения его члена мгновенно втянули ее в очередной кульминационный взрыв, и она в экстазе откинула голову и бесстыдно закричала, когда ее охватило удовольствие.

Все, что Селеста могла сделать, это вздрогнуть и все это принять. Каждую частичку удовольствия, которую ее муж только что показал ей.

Джеймс замедлил ход до мягких скользящих толчков, не желая выходить из нее. Он не мог поверить, как он себя чувствовал в данный момент, что — то необыкновенно отличающееся и новое для него, он едва мог понять все, что он хотел от нее, и все, что он чувствовал к ней. Был ли он влюблен? Возможно ли это для него? Сомнительно, но потом он не мог вспомнить, чтобы когда — либо чувствовал себя так удовлетворенно и наполнено, как он это ощущал прямо сейчас, когда его член все еще был в узком влагалище его жены.

Он поднял голову, открыл глаза и сосредоточился на ней, надеясь, что сможет оценить, как она себя чувствует. Он потерял рассудок во время схваток этого оргазма, и до сих пор поток его удовольствия тек через его кровь, но, по крайней мере, он осознавал свои действия. — Моя прекрасная, дорогая, ты такая приятная, идеальная, — тихо пробормотал он, медленно и глубоко надвигаясь на нее, ища последний замечательный вздох влажного, захватывающего жара. — Ты в порядке, Селеста?

— О, да, мой муж, — сказала она застенчиво, ее глаза слегка откинулись назад, когда он нагнулся к ней, из — за чего ее грудь колыхалась от движения. Она выглядела такой пышной и красивой, что он почувствовал, как его рот снова начинает увлажняться. Он наслаждался мыслью, что может делать это с ней столько, сколько ему нравится. Селеста вжала свое сочное влагалище в его член в ответ.

Мог ли он умереть в муках удовольствия сегодня вечером? Если так, то это был бы приятный способ перебраться в мир иной, решил он.

Джеймс зарычал и стал искать ее губы. То, что она только что приняла и отдала ему, заслуживает особой благодарности. Он поцеловал ее медленно и тщательно, любя ее мягкость и чувственный ответ, который она так свободно выдавала, и думал, что он самый удачливый из мужчин, раз выиграл такую невесту. Может быть он влюблен. Что бы это ни было, это было замечательно.

И он бы не ошибся, сказав, что его новая жена наслаждалась своим первым сексом так же сильно, как и он.

Когда он был в состоянии, то осторожно отодвинулся от нее и повернулся на бок, положил голову на локоть. Селеста посмотрела на него, как богиня, Греческая, бессмертная во всем своем пышном голом великолепии. Он восхищался, смотрел, как она дышит, пока оба не пришли в норму. Это был момент высшей красоты и совершенства, и ни один из них не хотел отвести взгляд от другого. — И теперь я принадлежу тебе полностью, Джеймс? — Спросила она тихим голосом, ее серебряные голубые глаза искали его ответ.

— Да, действительно, моя дорогая, определенно, — сказал он ей, притягивая ее к себе и усаживая сверху, — но, боюсь что, я хочу показать тебе это снова и снова.

Она пискнула, когда он опустил ее ногу на кровать и заставил ее оседлать его. Схватив

ее бедра обеими руками, он массировал плоть ее ягодиц и усадил ее поверх удлиняющегося члена. — Как ты чувствуешь это? — спросил он.

— Большой. Твердый. — Она застенчиво улыбнулась, но затем удивила его, когда дразнящее начал вертеть задом. Кажется, его прекрасная девственница быстро учится.

— Ты делаешь это со мной, Селеста. Я не думаю, что я когда — нибудь смогу насытиться тобой. Он потянулся к груди каждой рукой и поднял ее грудь, чтобы почувствовать вес. — Так красиво и мягко. — Джеймс сел в постель и удобно расположился на коленях. Он наклонился достаточно, чтобы иметь возможность сосать ее прекрасную грудь, дразняще посасывая, пока она не набухнет и не станет темно — розовой. Она стонала и хныкала, когда он работал с языком и оставлял нежные следы зубов.

Когда она покраснела от жары и дрожала в его объятиях, Джеймс поднял ее за бедра и сказал ей, чего он хочет. — Оседлай меня.

Селеста взяла его член в свою изящную руку и провела им по мокрым, скользким половым губам, даже без секунды колебаний. Он опустил ее вниз жестким движением, а затем вверх.

Они оба закричали, когда его член оказался полностью в ней.

Рай. Абсолютный рай настал, когда она управляла им, подняв ее идеальное, узкое влагалище так, чтобы она могла скользить вниз по его мучительно жесткому члену. Вверх и вниз, проникать и отступать, пробивать и скользить. Секс был самым блаженством. Может ли это продолжаться так всегда?

Он мог только надеяться.

Человек мог надеяться.

Селеста откинула голову назад и закричала, ее полные груди подпрыгивали в гармонии с их безумным сексом. Он почувствовал ее ритмичные рывки вокруг его члена. Это подтолкнуло и его тоже.

Джеймс двигался еще быстрее и жестче в последние мгновения до того волшебного момента, когда он влил все, что у него было, в ее горячие глубины, его семя всплескивалось волнами, наводняя ее влагалище своей мужской сущностью, помечая ее как его собственность. Моя, и только моя!

Кульминация самого потрясающего секса, который он когда — либо имел в своей жизни.

Насколько он понимал этот факт, он также знал, что причиной этого является Селеста. Она была так драгоценна для него, и он, наконец, понял его чувства.

— Джеймс, Джеймс, Джеймс... Я люблю тебя... — простонала она, лаская его руки так ласково и щедро отдаваясь ему, пока сидела, прижавшись к его все еще дергающемуся члену. Такая красивая... такая прекрасная, она почти казалась нереальной. У него было мгновенное прозрение.

Господь Всемогущий, он был влюблен. Джеймс понял, что полностью и бесповоротно любит свою красивую и страстную жену.

Селеста лежала у него на груди, тяжело дыша, их тела все еще были связаны, пока Джеймс прижимал ее к себе, пока они оба не пришли в себя. В нем продолжали гореть следы удовольствия, но это было сопряжено с глубочайшим удовлетворением, которое она могла когда — либо вспомнить. Она чувствовала, что любит мужа так, что хотела прокричать об этом миру. Может быть, она закричала в муках своего удовольствия. Если так, то это была вещь, которой она гордилась, потому что Селеста действительно чувствовала

свою любовь.

Через несколько мгновений Джеймс медленно покачнулся, пока она не оказалась под ним, и начал целовать ее, блуждая руками по всему ее телу; Грудь, бедра, ноги, руки, горло, плечи — ни одна часть ее не была проигнорирована его претензионными ласками.

Он говорил, а в перерывах между движениями его языка и губ он рассказал ей, насколько она красива и насколько хороша, насколько он всегда нуждался в ней.

Селеста улыбнулась и запустила пальцы в его волосы, любя его поведение после того, как она угодила ему. Ее мать никогда не упоминала ничего подобного. Либо ее новый муж был уникален в своих методах, либо мама скрывала то, насколько прекрасно брачное ложе.

И затем Джеймс отстранился, чтобы найти ее глаза и глубоко заглянуть в них. — Я тоже тебя люблю, моя прекрасная девственница, и ты делаешь меня таким счастливым мужем.

— Я люблю тебя, Джеймс, но я больше не девственница. — Она справилась с дразнящей улыбкой.

— Я знаю, милая, и мне очень понравилось освобождать тебя от этого статуса, но есть многое, чему я тебя научу, — ответил он злобно.

Селеста почувствовала каждый страстный дюйм глубокой и неизменной любви Джеймса.

Эпилог

— Джеймс, ты никогда не говорил мне, почему ты спустился в грот, где меня нашел. — Селеста спросила его во время ужина за тарелкой жареной баранины и картофеля.

Когда — то после их второго взрывного удовольствия Джеймс заявил, что пришло время им поесть, чтобы они могли поддерживать свою силу. — Это он сказал ей с дьявольским блеском в глазах, только заставив ее покраснеть от корней волос. По — видимому, для нее того, что произошло в спальне, было достаточно.

Ее муж был настолько разрушительно красив, сидевший напротив нее, в синем халате, накинутым на мускулистые плечи, и с его волосами, слегка смятыми из — за ее рук, когда он занимался с ней любовью. Селеста радостно вздохнула, когда его глаза скользнули по ее телу, и, скорее всего, представляя, как она выглядела под ночной рубашкой, которую она надевала второй раз этой ночью. Он заставил ее чувствовать себя красивой. Волчьи взгляды, которые Джеймс бросал на нее... Селеста любила, как он смотрел на нее, как будто он мог поглотить ее при следующем вздохе.

Джеймс делал это самым великолепным способом.

Их ужин был подан в гостиной рядом с покоем хозяина, чтобы они могли пообедать в комнате в брачную ночь. Он так заботился о том, чтобы устроить это для них, и она оценила конфиденциальность, которой они пользовались, без подсматривающих слуг и сплетников, но Селеста чувствовала, что сейчас самое подходящее время, чтобы наконец спросить Джеймса, как он пришел, чтобы найти ее. Она никогда не говорил. Она думала об этом довольно уверенно и обнаружила, что она просто хотела задать свои вопросы для собственного спокойствия и, наконец, узнать причину. Та история была покрыта мраком, но Селесте нужно было это услышать от своего мужа.

Он потянулся и схватил ее за руку, проведя по коже большим пальцем, прежде чем поднять его к губам для мягкого поцелуя. — Я часто думаю об этом и считаю, что это было чем — то вроде судьбы, которая затащила меня туда в то время, когда я должен был быть

там, чтобы спасти тебя, — мягко ответил он, прижимая ее ладонь к губам...

— Я чувствую то же самое, мой прекрасный спаситель, но почему ты вообще пошел туда?

Его выражение лица ожесточилось. — Мой дальний родственник был убит самым ужасным образом. Он был моим лучшим другом, с которым мы росли вместе и учились в школе. Наши пути разошлись после университета, и мы определенно видели друг друга меньше, но наши связи оставались сильными, и мы регулярно общались через письма. Но в прошлом году все было по — другому. Он стал опиумным наркоманом, и это завладело им до такой степени, что его жизнь изменилась до неузнаваемости. Я попытался помочь, определив его в санаторий для отдыха и лечения, но он отказался и был потерян для общества. Затем, около шести месяцев назад, он был убит в ритуале, несколько схожим с тем, который почти провели над тобой. Я начал исследовать все возможные выводы и, в основном, прокладывал себе путь к раскрытию истины. Мой поиск, наконец, привел в грот в ту ночь, когда я нашел тебя, и, в конечном итоге, злодеи, убившие моего двоюродного брата, были преданы суду.

Она вздрогнула от его истории, чувствуя себя настолько благословенной, пребывая в безопасности, любви и ласке. Как легко судьба могла перемениться на минуту позже. Бог действительно владел Вселенной и всеми этими душами внутри нее. Селеста будет благодарить его в молитвах сегодня вечером и каждую ночь за то, что Джеймс нашел ее.

— Как звали твоего двоюродного брата?

Джеймс повернул ее руку и благоговейно поцеловал ладонь. — Холмс. Его звали Шерлок Холмс.

Конец 1—й книги

Больше книг на сайте - Knigolub.net